

Просить не смея, слово обреку
В горячий сок в Саду
 созревшей вишни.
Один глоток, Господь, одну
 строку,
Оставь как память о суетной
 жизни.

НА БЕЛОМ БЕРЕГУ

Стоит мой дом на белом берегу,
Стоит мой дом на берегу
 высоком.
Его покой как прежде берегут
Сирени белые у молчаливых
 окон.

А рядом луг на белом берегу —
Слегка горчит полынь
 хмельные травы.
Конь в белых яблоках пасётся
 на лугу,
Такой ретивый — не найти
 управы.

Укроет берег на заре туман,
Конь молодой собьёт копытом
 росы.

А после ветер, что шальной
 цыган,
Уложит гриву шёлковую в
 косы.

Стоит мой дом на белом
 берегу.
Дымком с дороги гостя
 привечает.

Дом от сирени белой, как в
 снегу.
Конь белогривый за версту
 встречает...

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

Однажды в России, в России
 однажды,
В стране, где мессия едва ли не
 каждый,
В стране, где полгода снега да
 снега,
Где в белых туманах мои
 берега

Случилось поэту на свет
 появиться.
И свету служить, невзирая на
 лица.
Да что там, на лица — не те
 времена,
Когда на земле правит бал
 сатана.

Поэт, как ведётся, был беден,
 но честен.
Дорогой добра шёл с Россией
 он вместе.
О нём после скажут: «Душою
 богат»,
Но после... трибуны взорвёт
 демократ.

Сейчас, когда Родины рваная
 рана,
Как красная тряпка, для
 Евромайданов,
И на дух не терпят уже
 русский дух,
От фейка и глянца эфир весь
 протух,

Собрались на поле великом и
 бранном
Сыны тех Петров, Николаев,
 Иванов.

Тех ратных героев, кому нет
числа,
За кем только правда святая
была.

Сражался с врагом и наш
старый знакомый,
Идущий за правду и правдой
ведомый —
Он вместе со всеми верста за
верстой
Держал, не колеблясь, редуемый
строй.

Что дальше? Оставлю вопрос
без ответа.
Балладу закончу строфою
поэта,
Которая пулей пробита
шальной,
Которую взял в небеса он с
собой...

«Однажды в России, в России
однажды,
В стране, где мессия едва ли не
каждый,
В стране, где полгода снега да
снега,
Где в белых туманах мои
берега...»

ИЗ «ОРЕНБУРГСКОЙ ТЕТРАДИ»

В сирени сад и соловей
заврался:
Ночь напролёт голосит о любви.
Ещё чудак на удочку попался
Весны, что скажет завтра —
«се ля ви».

Уйдёт к поэту в скромную
однушку.
Босая, в ночь за ласками уйдёт.
Не знает бестия, а может быть
простушка,
Ему Весна не баба, лишь
джекпот.
Состарится на кухне
Дульсинеей,
Джюльеттой, Лорелеей
наконец.
А ведь могла, как я, пускай с
плебеем,
Разок другой сходить и под
венец,
Детей рожать, от счастья
задыхаясь
Шептать «люблю!» И всё, как
у людей.
...Кого я уговариваю, каюсь,
Соври ещё, дружнице соловей!

ЗАПОЗДАЛОЕ СЧАСТЬЕ

Дай мне руки, я их обогрею.
К ним прижавшись горячей
щекой,
Охмелею тобой, осмелею,
Не смогу надышаться тобой.
Прошепчу над тобой обереги,
Чтоб в чужой стороне не
пропал.
В сумасшедшем неистовом беге
От завистливых глаз не упал.

Да и мне в суете бесконечной
Так легко оступиться и —
в грусть,
Да пропасть безвозвратно,
навечно...
Дай мне руки — и я удержусь.

Я слова «не смогу», «не
сумею» —

Сброшу под ноги, словно старьё.
Дай мне руки, я их обогрею,
Запоздалое счастье моё.

* * *

Ожиданием долгим недели,
Через дом мой прошли, как
дожди.

Держит время тебя в чёрном
теле,

А в таёжном краю свиристели,
О любви раскричались, поди.

Ты сейчас в одиночестве гордом
По далёким дрейфуешь мирам.
Подожду, если Богу угодно...
Но закончу победным

аккордом:

Я тебя никому не отдам!

* * *

Столько лет я живу наугад,
Безнадёжно влюблённая в
жизнь.

То малиновый звон, то набат...

То судьба умоляет
«Держись!...»

Мне на райские кущи порой
Не хватает ни зла, ни белил.
А смывает водой дождевой
То, на что не жалела чернил.

И заранее зная ответ,
Не полжизни потратила —
всю —
На сомнительный памяти след —
Рядовой оставаться в строю.

О ЛЮБВИ

В родных пенатах тишь да
благодать,

Лишь небеса как будто стали
строже.

Жасмин снежит и обнажает
стать,

А в душу лезут мысли о
Серёже.

Презревший тень полуденный
зенит

Глубоким вдохом измеряет
небо,

Но мой клубок из жалящих
обид

Не по зубам вселенскому

плацебо.

За вдохом вдох спускаюсь
не спеша

В обитель, где не лицемерит
слово.

Эх, сколько позабыть должна
душа,

Чтобы во мне ей поселиться
снова?!...

На горизонте горнем Аркаим,
А вот с земными видами всё

тоже:

В окне благоухающий жасмин
Заезженной пластинкой о
Серёже...

* * *

Пусть, как Иерихон, гремит
Парнас,

И щёки раздувает, как
Везувий,

От склочных баб и
любопытных глаз
Тебя в село сегодня увезу я!

От суеты схоронимся в глуши
В бревенчатой избе под сенью
сада —
Убежище земное для души
И телесам желанная отрада.

Здесь паучок, влюблённый в
тишину,
Сплетёт гамак под вишнями в
полнеба.
И мы с тобой останемся в плену
У личного сентябрьского Эдема.

А как развяжет вечер под
окном
Нехитрый узелок со звёздной
пылью,

Крылатый конь горячим
скакуном
Возьмёт строку, слегка
расправив крылья.

Пусть, как Иерихон, гремит
Парнас,
И щёки раздувает, как
Везувий,
От склочных баб и
любопытных глаз
Тебя в село сегодня увезу я!

